

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

DOI: 10.31857/S086919080018177-1

ВЛИЯНИЕ ТУРЕЦКО-ГРЕЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ XIX – НАЧАЛА XX в.
НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ

© 2022

А.Н. АТРАШКЕВИЧ^а, С.А. ПАНАРИН^б^{а, б} – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^а – ORCID: 0000-0001-5797-4955; Alexandra.atra13@gmail.com^б – ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Резюме: Современные отношения между Грецией и Турцией нельзя признать добро-соседскими. Одна из главных причин этого – негативное воздействие на историческую память об отношениях (ИПО) в сознании населения двух стран. Обращение к ИПО под таким углом зрения может помочь в определении степени враждебности оппонентов и в оценке перспектив улучшения их отношений. Поэтому авторы попытались проследить, средствами исторического нарратива, событийные детерминанты ИПО в Греции и Турции в 1821–1923 гг., т. е. в период, когда происходили события, наиболее актуализируемые исторической памятью современных греков и турок.

В это столетие ИПО в обеих странах формировалась в остроконфликтных ситуациях национально-освободительной войны греков 1821–1829 гг., «30-дневной войны» 1897 г., Балканских войн 1912–1913 гг. и греко-турецкой войны 1919–1922 гг. Под их воздействием ИПО и подпитывавшиеся ею национализмы обрели устойчивую взаимно обвинительную направленность. Как таковые, они стали своеобразными гарантами непримиримости обоих государств по разделяющим их вопросам. Вместе с тем динамика отношений двух стран и ее отражение в ИПО двух народов, равно как и формирование греческого и турецкого национализмов попадали в контекст борьбы великих держав за наследие Османской империи. На современные турецко-греческие споры по поводу Кипра и шельфа Эгейского моря внешнеполитический фактор, в виде несовпадения интересов по этим вопросам лидеров ЕС, тоже влияет.

Апеллируя к ИПО, национализмы в Греции и Турции блокируют с ее помощью примирение сторон, а взаимообусловленная враждебность ИПО двух народов гарантирует непрерывность конфронтационных мотиваций в их политическом сознании. Результат: цикличность греко-турецких столкновений и нерешенность ни одного из двусторонних споров XX в., поэтому можно прогнозировать долгосрочную напряженность в отношениях двух стран и периодические вспышки конфликтов между ними.

Ключевые слова: историческая память, национализм, Греция, Османская империя, геноцид, Севрский договор, Балканские войны, анатолийские греки.

Для цитирования: Атрашкевич А.Н., Панарин С.А. Влияние турецко-греческих конфликтов XIX – начала XX в. на формирование исторической памяти в Турции и Греции. Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 184–195. DOI: 10.31857/S086919080018177-1

HOW CONFLICTS BETWEEN GREECE AND TURKEY IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES AFFECTED THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY IN BOTH STATES

© 2022

Alexandra N. ATRASHKEVICH ^a, Sergei A. PANARIN ^b^{a, b} – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000-0001-5797-4955; Alexandra.atra13@gmail.com^b – ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Abstract: *Present-day relations between Greece and Turkey cannot be defined as neighborship. One of the main reasons for this is a negative influence on the historical memory of relations (HMR) in the peoples' vision in two countries. Addressing the HMR from this angle can help to identify the degree of hostilities and assess the prospects for improving relations. Therefore, authors tried to trace, by means of historical narrative, the eventual determinants of both HMRs in 1821–1923, i.e. during the period when the events most actualized by the IMPs of modern Greeks and Turks took place.*

In this century, the HMRs were formed under the pressure of conflict situations. Those were the liberation war of the Greeks in 1821–1829, the “30-day war” in 1897, the Balkan wars of 1912–1913, and the Greek-Turkish war of 1919–1922. Because of them, the HMRs and the nationalisms in Greece and Turkey acquired mutually accusatory orientation. As such, they in a way guaranteed irreconcilability between the states on the issues dividing them. Also, the Greek-Turkish relations as well as the growth of nationalisms, fell into the context of the great powers struggle for the Ottoman legacy. Current Turkish-Greek disputes over Cyprus and the Aegean shelf are also influenced by other countries policies.

Nationalisms in Greece and Turkey block reconciliation of the parties, while the interdependent hostility of two HMRs guarantees the continuity of confrontational motivations in their political consciousness. What results, is a cyclical nature of Greek-Turkish clashes, long-term tensions between two countries and recurring outbreaks of conflicts between them.

Keywords: historical memory, nationalism, Greece, Ottoman Empire, genocide, Treaty of Sevres, Balkan wars, Pontic Greeks.

For citation: Atrashkevich A.N. Panarin S.A. How Conflicts between Greece and Turkey in the 19th – Early 20th Centuries Affected the Formation of Historical Memory in Both States. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 184–195. DOI: 10.31857/S086919080018177-1

Отношения Турции и Греции переживают очередную эскалацию конфликтности. Спор идёт о разделе шельфа Эгейского моря. Конфликт можно определить как международный, так как он создает некоторую напряженность в отношениях между Францией и Германией. Французская компания Total получила лицензию на разработку газового месторождения в спорном районе [СМИ, 2019], и Франция, защищая свои экономические интересы, поддерживает ужесточение санкций ЕС в отношении Турции. Германия выступает против ввода новых санкций: на ее политику влияет соглашение о высылке из ЕС в Турцию нелегальных мигрантов, она и Турция участвуют в совместном производстве подводных лодок [Подлодки, 2020].

Уже по этому примеру видно, что нормализация турецко-греческих отношений – задача международного уровня. Для ее решения необходимо, помимо прочего, определить

источник влияния на отношения Анкары и Афин, фиксируемый не в современной ситуации, а в прошлом. Только в первой четверти XX в. между двумя странами произошел ряд острых конфликтов, из-за чего при формировании исторической памяти обоих государств возобладал конфронтационный вектор. Задан он был еще войнами XIX в., кипрский конфликт 1974 г. окончательно его закрепил.

Что такое «историческая память»? Морис Хальбвакс, введший этот термин, определил его как совокупность представлений о прошлом определенной социальной группы [Хальбвакс, 2005, с. 23]. Определение Хальбвакса можно расширить: такие сформированные общностями различной размерности – от малой социальной группы до наций и региональных сообществ – представления о прошлом, которые, передаваясь из поколения в поколение, способны оказывать сильное влияние на сознание и действия этих общностей.

Историческая память состоит из многих компонентов, и один из них, способный стать ведущим, – это память об *отношениях* с другими общностями или *историческая память отношений* (далее – ИПО). Именно ИПО оказывает наибольшее влияние на отношения Греции и Турции, поэтому возвращение к событиям, ее сформировавшим, может помочь корректно оценить степень враждебности оппонентов и перспективы ее преодоления. Цель статьи и заключается в том, чтобы с помощью исторического нарратива проследить событийные детерминанты ИПО в Турции и Греции в XIX – первой четверти XX в., когда происходили события, наиболее актуализируемые исторической памятью греков и турок.

I

Начнем со времени обретения Грецией независимости. Предпосылками, приведшими к этому, стали русско-турецкая война 1768–1774 гг. и Кючук-Кайнарджийский мирный договор. В ходе войны греческое население Османской империи, прежде политически пассивное, заметно активизировалось. В текст же Кючук-Кайнарджийского договора был по настоянию России вписан артикул 17, провозглашавший: «христианский закон не будет подвержен ни малейшему притеснению» в Османской империи [Под стягом, 1992, с. 87]. Договор создал условия и для экономического роста Греции (развитие флота, освобождение от податей), что позволило скопить капитал для национально-освободительной войны [Петрунина, 2006]. Тогда же в просвещенной греческой среде возродилась *Μεγάλη Ιδέα* («Великая идея»)¹ – идея воссоздания Византийской империи.

В 1821 г. началось антитурецкое восстание греков. Поначалу оно не получило поддержки извне. Даже в Великобритании, где были особенно сильны филэллинские настроения [Prousis, 2011], кабинет Ливерпуля–Каннинга склонялся к нейтралитету. Перелом в его позиции произошел по ряду причин, не последней из них было давление общественного мнения, возмущенного избиением греков турками на о. Хиос². Тут же подчеркнем, что с крайней жестокостью борьба велась обеими сторонами: греки еще до Хиоса истребили почти всех мусульман Пелопоннеса [St Clair, 1908, p. 41–44]. Окончательно к созданию антитурецкого союза с Россией Лондон толкнул слух, будто Ибрагим-паша, командующий флотом, присланным по просьбе султана правителем Египта Мухаммедом Али, намерен обезлюдить Пелопоннес, чтобы заселить его мусульманами. В апреле 1826 г. между двумя странами был подписан Петербургский протокол, легший в основу Лондонской конвенции 1827 г. Он предусматривал автономию Греции под верховной властью Порты.

¹ Ее эволюция и варианты рассматриваются в работе: [Петрунина, 2006].

² Турки 11 апреля 1822 г. учинили расправу над жителями острова за поддержку восстания. В результате резни, пленения и бегства население Хиоса сократилось с 120 тыс. до 20 тыс. человек [Prousis, 2011].

Для усиления давления на Стамбул надо было вовлечь в союз Францию. Там для этого как раз сформировалась благодатная почва: консерваторы выступили в поддержку угнетённых *христиан*, либералы призывали к национальному освобождению *эллинов*, общественность, впечатленная выставленной в Салоне в августе 1824 г. картиной Эжена Делакруа «Резня на Хиосе», требовала вмешательства. В июле 1827 г. Англия, Россия и Франция подписали Лондонскую конвенцию. В ней они призывали Порту прекратить военные действия против греков и предоставить Греции автономию на условии уплаты ежегодной дани [Heraclides, Dialla, 2015]. Султан отверг эти призывы. В октябре 1827 г. союзный флот уничтожил в Наваринском сражении флот турецко-египетский, что заметно приблизило Грецию к освобождению [Heraclides, Dialla, 2015]. По Андрианопольскому мирному договору 1829 г. с Россией, Турция согласилась с требованием о предоставлении Греции автономии [Под стягом, 1992, с. 110]. В 1832 г. Греция стала полностью независимым государством – Королевством Грецией; но под властью турок остались греческие по населению Фессалия, Эпир, южная Македония и большинство островов Эгейского моря, включая Крит.

Какое наследие для ИПО оставили 1821–1830-е гг.? Главным было появление прежде не существовавшего субъекта отношений – независимой Греции. Для турецкой стороны это означало превращение прежде лояльного православного *миллета*³ в реального врага. Жива была и память о «зачистке» Пелопоннеса. Греческая сторона восприняла свою правосубъектность как ущербную, которой еще предстоит развернуться полностью в пространственном отношении. Подтверждение тому – слова, сказанные в 1844 г. тогдашним премьер-министром И. Коллетисом: «Королевство Греция – не Греция, оно лишь часть Греции, самая малая и самая бедная. Греки – это не только те, кто населяет Королевство. Это еще жители Янины и Салоник, Серреса и Адрианополя, Константинополя и Трапезунда, Крита и Самоса» (цит. по: [Llewellyn-Smith, 1998, p. 2–3]). И, конечно, давнее отношение к туркам как поработителям было сильно отягощено памятью о хиосской резне и других подобных инцидентах.

II

С конца XIX в. начинается период вооруженной борьбы Греции и Турции. Начало положила *30-дневная война 1897 г.* Ее английский современник считал, что подталкивали к ней Германия и Россия, а Турция нехотя уступила их давлению [Perris, 1897, p. 225–256]. Современный турецкий автор полагает, что главную роль сыграли пограничные провокации греческих националистов, тайно поддерживавшихся греческими властями [Ekinci, 2006, p. 568–575]. Никто, однако, не оспаривает, что путь к войне начинался на Крите, где в 1896 г. вспыхнуло восстание, целью которого было воссоединение острова с Грецией.

Коалиция России, Австро-Венгрии, Великобритании, Франции и Италии приняла решение о высадке войск на Крите и его блокаде. Первые корабли прибыли к острову в мае 1896 г. В январе 1897 г. мусульмане, как местные, так и из состава находившихся на Крите турецких войск, устроили резню христиан-критян, что побудило Афины направить на остров войска. В ответ Порты вдвое усилила свой контингент. Всё же представители коалиции и турецких властей пришли к соглашению о предоставлении автономии Криту и переходе его под контроль миротворческих сил; Греции же было объявлено: о воссоединении не может быть и речи [Соколовская, 2007, с. 29–30; Perris, 1897, p. 116–171].

³ Миллет – религиозная община с автономными правами в области ведения духовных и некоторых гражданских дел [Муртузалиев, 2006].

Греческое правительство было не в восторге от такого решения. Еще сильнее были недовольны греческие националисты из созданной в 1894 г. организации *Εθνική Χатаρά* («Национальное общество») [The Establishment, 1986, p. 174]. Когда некие добровольцы, возможно, к ней принадлежавшие, совершили набег на территорию Порты, турецкие власти объявили Греции войну. В ходе ее османская армия оккупировала Фессалию, уступленную Греции Турцией в 1881 г., но затем очистила ее под давлением держав. Война не принесла внешнеполитических дивидендов ни одной из сторон, но отразилась на внутривнутриполитическом положении в них. В Турции успехи ее армии способствовали кратковременному подъему надежд на возрождение мощи империи [Соколовская, 2017]. В Греции поражение в войне поставило под угрозу монархию, недовольство которой давно назревало в обществе. Оно казалось столь сильным, что Россия, Великобритания и Италия даже отправили в Афины охранный кортеж для защиты королевской семьи. Была произведена смена правительства, пост премьера вместо националиста Т. Делианниса занял умеренный Д. Раллис [Соколовская, 2017], и антимонархические настроения стихли.

Как показали дальнейшие события, поражение в войне сработало на дальнейшую консолидацию Греции в качестве государства нового типа, национального, победа Турции – на сохранение «косметического», а не радикального пути модернизации архаичной многонациональной империи. Пока память о войне была свежей, ее проекция в будущее оказывала на греков куда более мобилизующее воздействие, чем на турок. Когда же войну 1897 г. заслонили последующие конфликты, она утратила значение в греческом сознании, а в турецком могла задним числом восприниматься как предвестие будущих побед.

III

Осенью 1912 г. началась, а в мае следующего года завершилась *первая Балканская война*. Она велась между Балканским союзом, объединившим Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию, и Османской империей. Исторически давней предпосылкой ее возникновения было неравноправное положение в империи этноконфессиональных меньшинств, относительно недавними причинами – упадок Порты и стремление балканских государств присоединить ее владения в Европе.

Была и еще причина, самая «свежая»: быстрая трансформация режима младотурок. Сразу после революции 1908 г. их лидеры смотрели на этнические меньшинства как на составляющие единого целого. Энвер-бей заявил: «Больше нет болгар, греков, цыган, евреев, мусульман; под тем же синим небом мы все равны...» (цит. по: [Ergil, 1975, p. 29]). Получив большинство мест в правительстве, младотурки разделились на сторонников автономии меньшинств, и тех, кто стоял за верховенство турок [Ergil, 1975, p. 34]. Когда вторые стали доминировать, а сепаратизм меньшинств усилился, идеи национального единства и братства были отброшены. Уже в 1910 г. Талаат-бей развеял иллюзии: «...О равенстве не может быть и речи» [Ergil, 1975, p. 35]. Был принят «Закон об ассоциациях», запретивший создание политических объединений по национальному признаку. Стало ясно, что права меньшинств по-прежнему не будут соблюдаться – с той разницей, что реакция на это после взрыва надежд, рожденных революцией, была острой, как никогда. Будущие члены Балканского союза поняли, что если они не хотят лишиться столь им благоприятствующего фактора, пора объединяться и выступать.

Первая Балканская война закончилась Лондонским мирным договором. По его условиям Турция лишалась всех своих владений на Балканах. Мирно договориться об их разделе победителям не удалось, и в июне 1913 г. началась вторая Балканская война между Болгарией и ее бывшими союзниками, к которым присоединились Османская империя и

Румыния. Болгария проиграла. По Бухарестскому мирному договору Порты вернула себе Восточную Фракию [Anderson, Amos, 1918].

Балканские войны значительно подняли международный престиж Греции и самооценку ее населения, если не всего, то его образованной части. Греческий флот не дал туркам перебросить морем из Анатолии на Балканы 250 тыс. резервистов [Παλούμπης: Αρ. φύλλου 3898]. Греческая армия, которую после 1897 г. не воспринимали всерьез, проявила себя с неожиданной для союзников стороны. В первой войне она одержала победы над турками в Эпире и Македонии, во второй – победила сильную болгарскую армию. По итогам двух войн Греция получила Южный Эпир, половину Македонии, большинство островов Архипелага и наконец-то с ней воссоединился Крит [Hatzis, 2019, p. 6–7]. Однако эти успехи имели свою оборотную сторону. Страну охватила волна патриотической гордости, которую часть греческой политической элиты во главе с англофилом премьером Венизелосом постаралась преобразовать в агрессивный национализм, «облагороженный» риторикой «Великой идеи». В результате, несмотря на сопротивление прогерманской фракции элиты, Греция в 1917 г. вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты [Hatzis, 2019, p. 7].

Что касается Османской империи, то политика младотурок была направлена на вытеснение греков из страны и на формирование образа Греции как агрессора. Эти целевые установки власти находили благодатную почву в населении, чье негодование подкреплялось рассказами о зверствах греков против турок во время первой Балканской войны [Ergil, 1975, p. 62]. Военные успехи балканских государств показали, что бывшие *зимми*⁴, еще недавно ставившиеся турецким сознанием ниже турок, способны разгромить правоверных. Осознание этого греками и армянами Анатолии усиливало их сепаратистские устремления, и надежды младотурок на «османизацию» всего населения империи сменились резко враждебными настроениями в отношении меньшинств. В их быстрой кристаллизации в установку на «очищении» страны от иноверцев большую роль сыграло постоянное давление европейских держав, в контексте которого национализм младотурок и, добавим, кемалистов сформировался как непримиримый национализм осажденной крепости [Кауа, 2014].

IV

Вступив в 1917 г. в мировую войну на стороне Антанты, Греция оказалась, с относительно малыми потерями⁵, в стане победителей, с которыми Порты 10 августа 1920 г. подписала Севрский мирный договор. Но еще до его подписания Греция, чтобы обеспечить появление в нем статей, отвечавших ее территориальным притязаниям, высадила в Анатолии свои войска. Так началась вторая греко-турецкая война, которую Греция тоже проиграла. Полоса военных конфликтов между двумя странами завершилась Лозаннской мирной конференцией 1923 г., урегулировавшей, помимо прочего, и греко-турецкие отношения.

Севрский договор был заключен между странами Антанты и султанским правительством. По нему устанавливалось следующее [Treaty of Peace: art. 27, 69, 83, 84]:

1) Греция получает почти всю Восточную Фракию;

2) г. Смирна (Измир) с прилегающей областью отходит на пять лет, при сохранении формального суверенитета Турции, под управление Греции, после чего местный парламент может обратиться к Совету Лиги Наций за окончательным включением этой территории в состав Греции;

⁴ Собирательное название немусульман, преимущественно христиан и иудеев.

⁵ По отношению к общему числу мобилизованных они составили 11,2%, меньше было только у США и Японии [Сводная таблица, 2008].

3) турецкая сторона признает суверенитет Греции над всеми, кроме Додеканеса, островами Эгейского моря, расположенными более чем в трех милях от малоазийского побережья.

Помимо территориальных уступок в пользу Греции и Армении, ограничивался суверенитет Турции, она лишалась возможности иметь сильную армию. Договор вызвал сильнейшее негодование турок, стал настоящим «бревном», брошенным победителями в костер турецкого национального движения. Правда, предназначенный стать завершающим звеном Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, он так и не вступил в силу, предвосхитив судьбу всей системы с ее приоритетом интересов отдельных государств над общими целями и такими родовыми изъянами, как прожектерский идеализм В. Вильсона и мстительность Ж. Клемансо⁶. В турецком политическом сознании он породил до сих пор неизжитый «севрский синдром» [Габер, 2013, с. 68], а для части греков и армян он остается свидетельством признания авторитетной международной системой их притязаний к Турции⁷.

Греко-турецкая война 1919–1922 гг. Греция начала ее под влиянием националистической эйфории, будучи уверенной в поддержке держав-победительниц. Правительство Э. Венизелоса надеялось установить контроль над всем этноареалом малоазийских греков, но в первую очередь закрепить за Грецией область Смирны, где до войны преобладало греческое население. Однако турецкую сторону к этому надо было еще принудить, и греческая армия повела наступление на Анкару, где обосновалось новое национальное правительство, принципиально отличное от имперского султанского, ставшего, по сути, марионеткой Антанты. Греческая армия оккупировала значительную часть Анатолии, к концу августа 1921 г. от Анкары ее отделяли всего 50 км. Однако из-за усталости, растянутости коммуникаций, нарастающего сопротивления турок ее наступление выдохлось. В ходе турецкого августовского контрнаступления 1922 г. греческая армия была разгромлена [Jowett, 2015, p. 10]. Надежды на помощь Антанты не оправдались: Великобритания избегала прямого участия в войне, а Франция и Италия еще до ее перелома вступили в переговоры с кемалистским правительством. Греки потерпели поражение столь сокрушительное, что до сих пор называют его «Великой катастрофой» [Jowett, 2015, p. 9].

В оценках войны 1919–1922 гг. сталкиваются противоположные точки зрения, и разделяют они не только греческих и турецких историков. Западные исследователи, не отрицая инициативы Греции в развязывании войны, признают самостоятельную мотивацию Афин – воссоединить этнических греков [Crossing, 2003]. В советской историографии возобладал акцент на национально-освободительном характере войны с турецкой стороны, действия же Греции расценивались как предпринятые по прямой указке Антанты [Корсун, 1940, с. 8]. В постсоветское время формулировки смягчились, но суть их не изменилась [Киреев, 2007, с. 148]. Наиболее сбалансированной представляется позиция английского историка Филиппа Джоуитта. В качестве основных причин высадки греческих войск в Анатолию он называет ирредентистские планы Греции и давление Антанты, не желавшей ни уйти из региона, ни вводить в него свои войска, а главным результатом войны считает создание Турецкой Республики [Jowett, 2015, с. 9–10]. С нашей точки зрения, война стала полем боя турецкого и греческого национализмов. Благодаря ресурсному, в первую очередь демографическому, превосходству Турция одержала победу над греками. Значимым последствием войны стало закрепление в обоих государствах националистической идеологической доминанты и конфронтационной ИПО.

⁶ Критический анализ системы см.: [Киссинджер, 1997, с. 193–236; Светлов, 2015; Сыч, 2004].

⁷ Вот только один пример: «Лозанна не зачеркнула Севр с Арбитражным решением Вильсона, не имеющим срока давности» [Товмасын, 2020].

Геноцид анатолийских греков. На излете существования Порты убийства христиан случались в ней всё чаще, раз от разу становясь всё более массовыми. Придя к власти, радикально-националистическое крыло младотурок избрало в отношении меньшинств политику, которая, по словам турецкого историка Танера Акчама, «стала, в конечном счете, политикой геноцида» (цит. по: [Bjornlund, 2008, p. 42]). Греческое население вилайета Айдин (Смирна) и Восточной Фракии подверглось такому психологическому давлению и физическому насилию, что еще до начала мировой войны сократилось более чем на 100 тыс. человек. Наибольшую жестокость проявили полувоенные формирования *башибузуков*, составленные из турок, бежавших из греческой Македонии от насилий, которым они там подвергались в ходе и после Балканских войн [Bjornlund, 2008, p. 42, 45–47]. С началом мировой войны первостепенным объектом этнических чисток стали понтийские греки, проживавшие в трех причерноморских вилайетах. Оценки их численности и потерь колеблются, приведем минимальные. В 1912 г., по данным Константинопольской патриархии, их насчитывалось 416 тыс. человек, уцелели максимум 240 тыс. [Панарин, 2019, с. 176]. Завершающим же актом геноцида стала ужасающая резня в Смирне. Она была совершена башибузуками вместе с солдатами регулярной армии при попустительстве ее командования [September, 2018] и еще раз показала: кемалистский режим продолжает курс на превращение Турции в государство моноэтническое, в том числе посредством физического «очищения» ее от меньшинств [Verfolgung, 2007, p. 30–31].

«Чистки» 1914–1922 гг. соответствуют международно принятому определению геноцида: «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу» [Конвенция, 1999, с. 497]. Турция, однако, не признаёт геноцида греков и армян. С официальной позицией совпадает и интерпретация событий 1914–1922 гг. большинством турецких ученых. Греческие авторы в факте геноцида не сомневаются, но тоже подвержены влиянию национализма. Лишь некоторые из них подходят к освещению событий первой четверти XX в. объективно. Так, В. Теодоропулос считает, что ввязавшись в войну, греческое правительство само способствовало ускорению и ужесточению геноцида, расширению его масштабов [Theodoropoulos, 1990], а Я.Г.С. Пападопулос подчеркивает, что «военные зверства совершались обеими сторонами» [Papadopoulos, 2019].

Кто бы ни был в этом споре ближе к истине, ясно, что трагическое десятилетие 1914–1922 гг. оставило в обеих странах мощный пласт ИПО. Память о геноциде всё еще сильно влияет на формирование в глазах греков негативного образа Турции и турок. В то же время, поскольку рождение Турции как nation-state оказалось неразрывно связано с греко-турецкой войной, представление об этой войне стало у турок по преимуществу *одномерным*. Присутствуют в нем только подвиг, патриотизм и героическое национальное самоутверждение, любые покушения на чистоту этого символа, в том числе обвинения в геноциде, отвергаются с порога.

Лозаннский мирный договор можно квалифицировать как точку невозврата в отношениях Турции и Греции в XX в. Его положения – источник территориальных споров двух государств и сегодня: пункты о разграничения морского и воздушного пространства оспариваются Турцией. Основанный на частично пересмотренных положениях Севрского договора, Лозаннский договор оформил распад Османской империи и определил государственные границы республиканской Турции. В отношении Эгейского моря им было предусмотрено ограничение зон юрисдикции тремя морскими милями от береговой линии, оставшаяся часть акватория должна была стать зоной совместного пользования. В 1936 г. Греция решила расширить зону своих территориальных вод до шести миль, Турция приняла

аналогичное решение в 1964 г., но и после него Эгейское море остается по преимуществу греческим: под юрисдикцией Греции – 43,5% его вод, Турции – 7,5%, остальные воды носят статус открытого моря [*Background Note...*].

Лозаннский договор содержал конвенцию об обмене населением. Согласно ей, все православные Турции выселялись в Грецию, а мусульмане Греции – в Турцию. В категорию обмениваемого населения были включены и те, кто с 18 октября 1912 г., т. е. со дня окончания итало-турецкой войны, перебрался из Турции в Грецию и наоборот. Выселение было принудительным, исключения сделали только для православных Стамбула и мусульман Восточной Фракии [*Севрский*, 1927, с. 221]. Процесс обмена затянулся на несколько лет и в ходе его, помимо людских потерь, греческое меньшинство в Турции и турецкое в Греции попали в прямую зависимость от состояния отношений Анкары и Афин. Из-за того, что обмен производился по конфессиональному признаку, в Грецию выселили всех отуреченных по языку православных, а в Турцию – всех перешедших в ислам грекофонов. Адаптация в новой среде тех и других проходила с большими социальными издержками. Потребовав больших затрат, переселение способствовало дезорганизации хозяйственной жизни обеих стран. Особенно сильно оно ударило по экономике Греции. Непосредственно по обмену она приняла даже меньше переселенцев, чем Турция: 190 тыс. и 353 тыс. человек соответственно. Но с учетом огромной волны беженцев в Грецию до Лозаннской конвенции, общее число греческих беженцев и переселенцев составило 1,3–1,5 млн [The Exchange; Blanchard, 1925, p. 453].

В целом условия мира, заключенного в Лозанне, не отвечали в полном объеме интересам и претензиям как турецкого, так и греческого национализма. Они не могли залечить раны, нанесенные греческому и турецкому сознанию событиями 1914–1922 гг. Переселенцы своими рассказами о том, что им пришлось испытать, эти раны только растрavляли, укрепляли чувства недоверия, даже ненависти к «обидчикам». Как следствие, конфликтный потенциал отношений между двумя государствами не ослабевал на протяжении всей первой половины XX в., а с получением независимости Кипром, в населении которого на долю этнических турок приходилось около 1/5 от общего его количества, снова актуализировался.

V

В наши дни конфронтационный характер турецко-греческих отношений обусловлен процветающим в обоих государствах *национализмом*. Но у него – давние предпосылки формирования. Одни из них глубоко исторические (имперское прошлое – Византия и Османская империя), другие, значительно более актуальные, относятся к столетию 1821–1922 гг. В число последних входит и фактор влияния третьих стран. Это поддержка единоверцев греков Российской империей в XVIII – начале XIX в., затем – смена внешнеполитического приоритета России в пользу сохранения Османской империи и, как следствие, переход Греции под влияние западных держав. Это также посредничество держав при заключении мирных договоров между Турцией и Грецией. Нередко корыстное и почти всегда следовавшее принципу менять *status quo* по минимуму, оно способствовало тому, что в греко-турецких отношениях после каждого столкновения оставалось много нерешенных вопросов, которые в дальнейшем приводили к возникновению новых конфликтов, подпитывавших и подпитывавшихся ИПО.

Постоянно апеллируя к исторической памяти, национализмы в Греции и Турции блокируют примирение сторон. Взаимообусловленность ИПО двух стран гарантирует непрерывность конфронтационных мотиваций в их политическом сознании. Результат: цикличность турецко-греческих конфликтов и нерешенность ни одного из двусторонних

споров XX в. Пока такое положение сохраняется, можно прогнозировать долгосрочное сохранение напряженности в отношениях двух стран с периодическими вспышками конфликтов между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Габер Е.В. Трансформация политической культуры Турецкой Республики и эволюция понятия *безопасность* в турецком языке. *Безопасность на Западе, на Востоке и в России: представления, концепции, ситуации: материалы международной конференции*. Москва, 12–15 октября 2012 г. Науч. ред. С.А. Панарин, Д.И. Польшвинный. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 65–78 [Gaber E. V. Transformation of the Political Culture of the Turkish Republic and the Evolution of the Concept of Security in the Turkish Language. *Security in the West, East and Russia: Views, Conceptions, Situations: Materials of an International Conference*. Moscow, 12–15 October, 2012. Eds.: S.A. Panarin, D.I. Polyvyanny. Ivanovo: Ivanovo State Univ., 2015. Pp. 65–78 (in Russian)].

Киреев Н.Г. *История Турции. XX век*. М.: Крафт, 2007 [Kireev N.G. *History of Turkey. 20th Century*. Moscow: Kraft, 2007 (in Russian)].

Киссинджер Г. *Дипломатия*. М.: Ладомир, 1997 [Kissinger H. *Diplomacy*. Moscow: Ladomir, 1997 (in Russian)].

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. *Международные акты о правах человека*. Сб. документов. М.: Норма – Инфра, 1999. С. 497–500 [Convention on the Prevention and Punishment of the Genocide Crime. *International Acts on Human Rights*. Collection of Documents. Moscow: Norma – Infra, 1999. Pp. 497–500 (in Russian)].

Корсун Н.Г. *Греко-турецкая война 1919–1922 гг. Оперативно-стратегический очерк*. М: Воениздат НКО СССР, 1940 [Korsun N.G. *The Greco-Turkish War of 1919–1922. Operational and strategic sketch*. Moscow: Voenizdat NKO SSSR, 1940 (in Russian)].

Муртузалиев С.И. Положение зимми и Константинопольской Патриархии в Османской империи XV–XVI вв. *Византийский временник*. 2006. Т. 65 (90). С. 29–36 [Murtuzaliev S.I. The Position of the Dzimmi and the Patriarchate of Constantinople in the Ottoman Empire in the 15th–16th centuries. *Vizantiyskiy Vremennik (= Byzantine Annals)*. 2006. Vol. 65 (90). Pp. 29–36 (in Russian)].

Панарин С.А. Виктор Сарианиди: поиск как жизнь (статья-воспоминание о великом археологе). *Теория и практика археологических исследований*. 2019. Т. 27. № 3. С. 174–193 [Panarin S.A. Viktor Sarianidi: Life as a Search (Article-memoirs about the Great Archaeologist). *Theory and Practice of archeological Research*. 2019. Vol. 27. No. 3. Pp. 174–193 (in Russian)].

Петрунина О.Е. Русско-греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII–начале XX века. *Греческий мир XVIII–XX вв. в новых исторических исследованиях*. М., 2006. С. 33–43 [Petrulina O.E. Russian-Greek Relations and the Evolution of the Greek “Great Idea” in the 13th–early 20th century. *Greek World of the 18th–20th Centuries in New Historical Researches*. Moscow, 2006. Pp. 33–43 (in Russian)].

Под стягом России. Сб. архивных документов. Сост., примеч. А.А. Сазонова и др. М.: Русская книга. 1992 [Under the Banner of Russia. A Collection of Archival Documents. Comp. by A.A. Sazonova et al. Moscow: Russkaia kniga. 1992 (in Russian)].

Подлодки и кредиты: Греция просит ЕС наказать Турцию. BBC News, 10.12.2020 [Subs and loans: Greece Asks the EU to Punish Turkey. BBC News (in Russian)]. <https://www.bbc.com/russian/news-55239523>

Светлов В.А. Версальская система международных отношений как исходная причина второй мировой войны (структурный анализ). *Научные труды Sworld*. 2015. Т. 15. № 1 [Svetlov V.A. The Versailles System of International Relations as the Original Cause of the Second World War (Structural Analysis). *Nauchnye trudy Sworld*. 2015. Vol. 15. No. 1. (in Russian)].

Сводная таблица потерь в первой мировой (Великой) войне. Межд. военно-историч. ассоциация, 03.01.2008 [*Summary Table of Losses in the First World (Great) War.* International Military History Association, 03.01.2008 (in Russian)]. imha.ru/1144523759-svodnaja-tablica-poter-v-pervojj.html#.YK9cnjJn3Gg

Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М.: Литиздат НКВД. 1927 [*The Treaty of Sèvres and Acts Signed in Lausanne.* Moscow: Litizdat NKID. 1927 (in Russian)].

СМИ: фрегат ВМС Франции следует к берегам Кипра, где Турция ведет буровые работы. ТАСС. 12.10.2019. [*Media: French Naval Frigate Heads to Cyprus, where Turkey is Drilling.* TASS. 12.10.2019 (in Russian)] <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6993128>

Соколовская О.В. Российский императорский флот и греко-турецкая война 1897 г. *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.* Сб. статей. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017 [Sokolovskaya O.V. The Russian Imperial Navy and the Greco-Turkish War of 1897. *Slavs and Russia: Problems of War and Peace in the Balkans.* 18–21th Centuries. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS, 2017 (in Russian)].

Соколовская О.В. Россия в миротворческой акции европейских держав на Крите. *Восточный архив.* 2007. № 16. С. 29–39 [Sokolovskaya O.V. Russia in the Peacekeeping Action of the European Powers in Crete. *Vostochnyi arkhiv (= Oriental Archive).* 2007. No. 16. Pp. 29–39 (in Russian)].

Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы. *Вопросы истории.* 2004. № 1. С. 126–133 [Sych A.I. National Aspect of the Versailles System. *Voprosy istorii (= Issues of History).* 2004. No. 1. Pp. 126–133 (in Russian)].

Товмасян А. Неосуществленный, но и неотмененный Севр. Еркрасмас. 10.08.2020 [Tovmasyan A. *Unfulfilled, but also Uncancelled Sèvres.* Erkramas. 10.08.2020 (in Russian)]. <https://yerkramas.org/article/173100/neosushhestvlenyj--no-i-neotmenennyj-sevr>

Хальбвас М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас.* 2005. № 2–3. С. 8–27 [Halbwachs M. Collective and historical Memory. *Inviolable Fund.* 2005. No. 2–3. Pp. 8–27 (in Russian)].

Anderson F.M., Amos S.H. The Treaty of Bucharest, August 10, 1913. *Handbook for the Diplomatic History of Europe, Asia, and Africa 1870–1914.* Washington, 1918. <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/boshtml/bos149.htm>

Background Note on Aegean Dispute. Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. <http://www.mfa.gov.tr/background-note-on-aegean-dispute.en.mfa>.

Bjornlund M. The 1914 Cleansing of Aegean Greeks as a Case of Violent Turkification. *Journal of Genocide Research.* 2008. Vol. 10. No. 1. Pp. 41–57.

Blanchard R. The Exchange of Populations between Greece and Turkey. *Geographical Review.* Vol. 15. No. 3. 1925. Pp. 449–456.

Crossing the Aegean. An Appraisal of the 1923 Compulsory Population Exchange between Greece and Turkey. Ed. R. Hirschon. Studies in Forced Migration. Vol. 12. New York: Berghahn Books, 2003.

Ergil D.A. Reassessment: The Young Turks, Their Politics and Anti-colonial Struggle. *Balkan Studies.* Vol. 16. No. 2. Pp. 29–72.

Hatzis A.N. *A Political History of Modern Greece, 1821–2018.* New York: Springer, 2019.

Heracleides A., Dially A. Intervention in the Greek War of Independence, 1821–32. *Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century.* Manchester: Manchester University Press, 2015. Pp. 105–133.

Ekinici M.U. *The Origins of the 1897 Ottoman-Greek War: A Diplomatic History.* The Institute of Economics and Social Sciences of Bilkent University. Ankara, July 2006.

Jowett P. *Armies of the Greek-Turkish War 1919–22.* Oxford: Osprey Publishing, 2015.

Kaya V. Western Interventions and Formation of the Young Turks' Siege Mentality. *Middle East Critique.* 2014. Vol. 23. Issue 2. Pp. 127–145.

Llewellyn-Smith M. *Ionian Vision. Greece in Asia Minor, 1919–1922.* London: Hurst, 1998.

Παλούμπης Γ. Οι Βαλκανικοί Πόλεμοι, ο Ναυτικός Αγώνας και ο Ναύαρχος Παύλος Κουντουριώτης. *Ελεγκτη ζώνη. Ημερήσια ηλεκτρονική εφημερίδα*, Αρ. φύλλου 3898. <http://elzoni.gr/html/ent/020/ent.21020.asp>

Papadopoulos Y.G.S. Collective Trauma, Transgenerational Identity, Shared Memory: *Public TV Series Dealing with the Ottoman Empire and Anatolian refugees in Greece. Memory and Postcolonial Studies: Synergies and New Directions*. Ed. by D. Götsche. Bern et al.: Peter Lang, 2019. Pp. 469–491.

Perris G.H. *Eastern Crisis of 1897 and British Policy in the Near East*. London: Chapman and Hall, 1897.

Prousis T.-C. British Embassy Reports on the Greek Uprising in 1821–1822: War of Independence or War of Religion? *University of North Florida History Faculty Publications*, 21. 2011.

September 13, 1922, Great Fire of Smyrna begins. 2018. <https://greekcitytimes.com/2018/09/13/september-13-1922-great-fire-of-smyrna-begins/>

St Clair W. *That Greece Might Still Be Free. The Philhellenes in the War of Independence*. Cambridge: Open Book, 2008.

The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Ed. by Ch. and B. Jelavich. Seattle and London: Univ. of Washington Press, 1977.

The Exchange of Populations Between Greece and Turkey. *Pontosworld*. <https://pontosworld.com/index.php/pontos/history/articles/101-the-exchange-of-populations-between-greece-and-turkey>

Theodoropoulos B. *Griechenland und Griechentum Gedanken zur Gestaltung der griechischen Außenpolitik*. Hrsg. von Bernhard Hänsel. München: Südosteuropa-Ges., 1990. https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00055622_sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00055622_00001.html

Verfolgung, Vertreibung und Vernichtung der Christen im Osmanischen Reich 1912–1922. Hrsg. T. Hofmann. Berlin: LIT Verlag, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ΑΤΡΑΣΚΕΒΙΤΣ Αλεξάνδρα Νικολαевна –
аспирант, Институт востоковедения РАН
(ИБ РАН), Москва, Россия.

Alexandra N. ATRASHKEVICH, Postgraduate
student, Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, Russia.

ΠΑΝΑΡΙΝ Сергей Алексеевич –
руководитель Центра исследования общих
проблем современного Востока, Институт
востоковедения РАН, Москва, Россия.

Sergei A. PANARIN, Head of the Department
for the Study of Common Problems of the
Contemporary East, Institute of Oriental Studies,
RAS, Moscow, Russia.